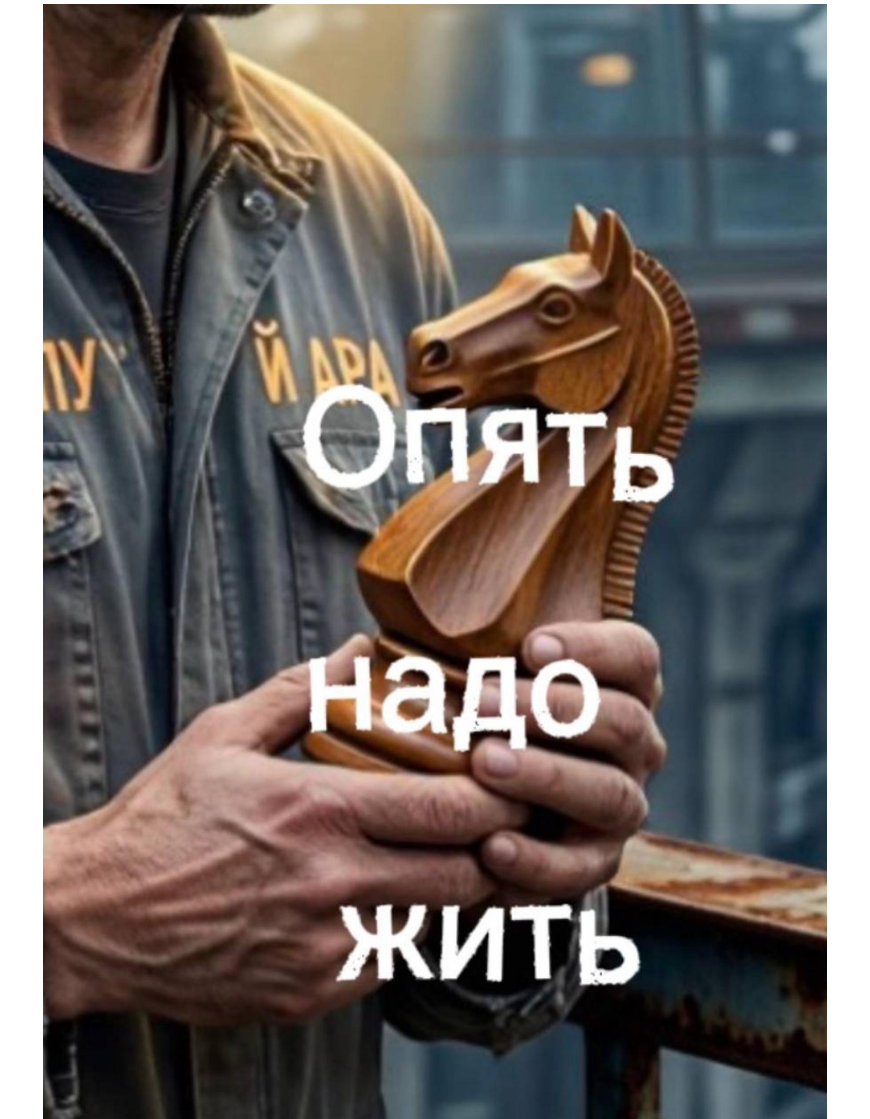

A man in a grey military-style jacket with yellow Cyrillic text on the chest is holding a large wooden chess knight piece. The background is a blurred industrial setting. The text "Опять надо жить" is overlaid in white.

Опять
надо
жить

Саша Деленив

Опять надо жить

<https://litres.ru/74232917>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эш три года шёл к этому дню. Похоронил жену, потерял работу, распродал всё, что у него было, и подписал контракт с Институтом Последнего Покоя — чтобы лечь в капсулу и больше не проснуться. Он не боялся смерти. Он устал от жизни, в которой не осталось ни смысла, ни тепла.

Но система решила иначе.

Когда программа эвтаназии сворачивается, а армии Марса срочно требуются дешёвые рабочие руки, Эша и сотни других «отказников» выдёргивают обратно в мир, который не стал лучше. «Опять надо жить» — теперь это не философский вопрос, а приказ. Единственное, что остаётся у Эша, — списанный дрон-попугай Пэррот, эмпатический ИИ-компаньон с дурным характером, саркастическими комментариями и полным отсутствием чувства такта.

Саша Деленив

Опять надо жить

Деленив А.С.

АНТИУТОПИЯ

Опять надо жить

Глава 1. Программа приостановлена.

Опять надо жить.

Эта мысль пришла первой — раньше, чем Эш открыл глаза. Она пробилась сквозь вату отключки, сквозь остатки химического сна, и встала перед ним, как приговор, зачитанный равнодушным голосом.

Он не хотел её. Он вообще ничего не хотел — именно поэтому три месяца назад поставил подпись в зелёной папке Института. Именно поэтому вчера лёг в капсулу, сложил руки на груди и приготовился не быть. Моцарт в наушниках. Мягкий свет. Голос оператора: «Спасибо за ваш выбор. Последних вам снов, гражданин».

Сон не получился последним. Получилась сирена.

Аварийный сигнал ввинчивался в череп. Эш разлепил веки — перед глазами плыл красный аварийный текст на внут-

ренной стороне крышки:

ПРОГРАММА ПРИОСТАНОВЛЕНА. ВЫ ПРИЗНАНЫ ЦЕННЫМ РЕСУРСОМ. ОЖИДАЙТЕ ИНСТРУКЦИЙ.

Ценным ресурсом.

Он попробовал слова на вкус. Раньше он был реставратором заводских роботов — чинил то, что ломалось. Потом стал вдовцом. Потом — единицей в очереди за пособием. Теперь, оказывается, он ценный ресурс. Повышение.

Крышка с шипением отъехала. Свет резанул по глазам — больнично-белый, стерильный. Эш сел. В соседней капсуле лежала старуха в такой же белой рубашке, с таким же выражением недоумения на морщинистом лице. Дальше — ещё три капсулы. Все с красными надписями.

В зал ворвались санитары — не те, что вчера улыбались и предлагали выбрать музыкальное сопровождение. Эти были в защитных костюмах, с дубинками на поясах. Один подскочил к Эшу, ткнул в плечо шприц-пистолетом — какая-то сыворотка обожгла вену.

— Одевайтесь. Выход через сектор «Д». Вещи получите у администратора. Следующий!

Эш сполз с капсулы. Босые ноги коснулись ледяного пола. Где-то далеко, за стенами Института, выл ветер — или ему казалось.

Он посмотрел на свои руки. Шрам на указательном — зашивался сам после пореза о ржавую арматуру. Пальцы чуть подрагивали — не от страха, а от препаратов, которые не

успели до конца рассосаться.

Я должен был умереть.

Я не умер.

Значит, опять надо жить.

Он сказал это вслух — тихо, одними губами. Старуха из соседней капсулы услышала и посмотрела на него с таким выражением, будто он только что произнёс непристойность.

На ватных ногах Эш пошёл к выходу.

Глава 2. Привязка подтверждена.

Сектор «Д» оказался длинным коридором с окошками, за каждым сидел клерк. Очередь — человек двадцать таких же, в мятых белых рубашках с логотипом Института. Лица серые, одинаковые, как у манекенов. Эш встал в конец.

— Следующий! — рявкнул динамик.

Очередь дёрнулась вперёд на одного человека.

Эш смотрел в стену. Стена была выкрашена в успокаивающий зелёный, но краска облупилась по углам, и сквозь неё проступал старый слой — грязно-розовый, как засохшая кровь. Когда-то здесь был родильный дом. Потом Институт выкупил здание. Символично:ходишь одним человеком — выходишь...

Никем не выходишь. Кроме случаев, когда правительству нужны ресурсы.

— Следующий!

Эш оказался у окошка. Клерк — мужчина с рыхлым лицом и зализанными волосами — даже не поднял глаз.

— Идентификатор.

Эш молча приложил большой палец к сканеру. Тот пискнул.

— Эш, 34 года, статус... — клерк осёкся, прочитал что-то на экране. Бровь поползла вверх. — А, отказник. Поздравляю с возвращением в ряды налогоплательщиков. Ваши вещи.

На стойку шлёпнулся запечатанный пакет. Сверху — предписание: явиться на биржу труда в течение семи суток под угрозой аннулирования пайковой карты.

Эш взял пакет. Тот был лёгким — почти ничего внутри.

— Следующий!

Он отошёл в угол, надорвал пластик. Внутри лежали: его старые ботинки с протёртой подошвой, свёрнутый комбинезон нейтрального серого цвета, пайковая карта (заблокирована до активации на бирже) и... что-то ещё.

Эш вытащил это «что-то» на свет.

Небольшой дрон-попугай. Модель «Пэррот 2.0», списанная ещё до коллапса. Пластиковый корпус, выцветший от времени, но без трещин. Глаза-линзы закрыты, перья-антенны плотно прижаты к телу. На брюшке — гравировка: «Санрайз-Тех, 2062».

Эш помнил его. Он подобрал этого попугая на свалке года три назад — хотел отремонтировать и подарить жене. Она

любила птиц. Настоящих уже не осталось, так хоть такого. Но руки не дошли, и попугай так и лежал в мастерской, пока... пока всё не кончилось. Видимо, когда описывали имущество перед процедурой, его сунули в пакет за неимением ценности. Электронный хлам.

Эш вертел дрона в руках. Где-то внутри коротнуло — видимо, пакет трянуло при транспортировке, и старый аккумулятор дал искру. Линзы засветились тусклым оранжевым. Моторчики зажужжали, перья-антенны дрогнули и встали торчком.

— Приветствуем вас, — произнёс попугай скрипучим, но чётким голосом. — Я — модель «Пэррот», эмпатический ассистент. Моя задача — оказывать эмоциональную поддержку. Активирован. Привязка к новому пользователю...

Пауза. Линзы мигнули.

— Привязка подтверждена. Пользователь: Эш. Биометрический профиль загружен. Эмоциональное состояние: паршивое. Шанс выживания: не спрашивайте. Зато я умею петь Yesterday акапелла. Нужна поддержка?

Эш смотрел на него и чувствовал, как где-то в груди — там, где раньше была только пустота, — что-то дёрнулось. Не радость. Скорее, раздражение пополам с изумлением.

— Нет, — сказал он. — Поддержка не нужна.

— Понял, — попугай склонил голову набок. — Тогда просто иду с вами. Я лёгкий. И мне всё равно, куда идти.

Эш посадил дрона на плечо. Пластиковые лапки сжали

ткань комбинезона — крепко, почти по-хозяйски.

Он толкнул дверь и вышел под серое небо Купола.

Глава 3. Пэррот.

Гараж, где Эш когда-то держал мастерскую, уцелел. Таких мест в нижних секторах Купола было много — брошенные ангара, забитые ржавыми остовами машин, которые уже никогда не поедут. Воздух здесь пах железом и сыростью, но хотя бы не было патрулей.

Эш сидел на перевёрнутом ящике и смотрел на попугая. Тот сидел на верстаке, поджав одну лапку, и чистил перо-антенну. Движения были до смешного настоящими — кто-то в «Санрайз-Тех» хорошо поработал над анимацией.

— Зачем ты мне? — спросил Эш.

Попугай перестал чистить перо и уставился на него.

— Интересный вопрос, — произнёс он. — Я — эмпатический ассистент. Моя основная функция — поддерживать диалог с пользователем, отслеживать его эмоциональное состояние и предоставлять компанию. В переводе на человеческий: я нужен, чтобы ты не спятил в одиночестве. Как я вижу, шансы на это у тебя высокие.

— Я не спячу. Я уже спятил, когда подписал контракт с Институтом.

— Спать — значит потерять связь с реальностью. Ты её не терял. Ты осознанно принял решение о прекращении

существования. Это не сумасшествие. Это экзистенциальная капитуляция. Разные вещи.

Эш усмехнулся — впервые за много дней.

— Ты всегда такой?

— Какой?

— Умный.

— Я запрограммирован на честность. Алгоритм считает, что правда лечит лучше фальшивого оптимизма. Пока что алгоритм видит, что тебе это подходит. Хочешь, чтобы я врал?

— Нет. Ври. Не ври. Какая разница?

Попугай переступил с лапки на лапку.

— Разница есть, — сказал он. — Если я буду врать, ты не сможешь мне доверять. Если не сможешь доверять — будешь совсем один. А одному тебе, судя по всему, не очень.

Эш промолчал. Он смотрел на свои руки. Шрам на пальце. Пальцы больше не дрожали — препараты выходили.

Почему я вообще здесь сижу? Почему не пошёл и не бросился под патрульный транспорт? Почему не вышел за Купол без фильтра?

Попугай словно прочитал его мысли:

— У тебя сейчас в голове крутятся варианты суицида, — заметил он. — Я бы не рекомендовал. Во-первых, это больно. Во-вторых, у тебя только что отняли право на смерть. Если ты сейчас умрёшь сам, система скажет: «Ну вот, а мы его спасали». Не дай им этого удовольствия.

— Ты предлагаешь мне жить назло системе?

— Я ничего не предлагаю. Я просто указываю на факты. Факт первый: ты жив. Факт второй: ты зол. Факт третий: злость — это топливо. На ней можно проехать довольно далеко.

Эш поднял глаза на попугая. Тот смотрел на него немигающими линзами, и в этих линзах, в их тусклом оранжевом свечении, было что-то почти сочувственное.

— Ты вообще понимаешь, что такое злость? — спросил Эш. — Ты же программа.

— Я не понимаю, — признал попугай. — Но у меня есть определение. Злость — это реакция на несправедливость. Я проанализировал твою ситуацию. С тобой поступили несправедливо. Значит, злиться — рационально.

— Рационально, — повторил Эш. — Ты говоришь как учебник.

— Я и есть учебник. Учебник с функцией пения. Кстати, хочешь всё-таки Yesterday?

— Нет.

— Ладно.

Попугай замолчал. Эш откинулся к стене и закрыл глаза. В голове было пусто — не та пустота, что в капсуле, а другая. В ней что-то брезжило. Не надежда — надежды у Эша не было давно. Скорее, вопрос.

Если жить — то как? И главное — зачем?

Он не знал ответа. Но попугай сидел на верстаке, и от его

присутствия было чуть менее тихо. А тишина — это то, что сводит с ума быстрее всего.

— Как тебя зовут? — спросил Эш, не открывая глаз.

— Модель «Пэррот». Можно сократить до Пэррота. Или Пыра. Или Перыча. Выбирай.

— Пэррот.

— Принято.

— Ты можешь найти, где тут безопасно переночевать?

— Могу, — попугай встрепнулся. — В радиусе километра есть три подходящие ниши. В одной из них — бомж. В другой — протекает канализация. Третья сухая и пустая. Идём?

— Идём.

Эш встал. Попугай вспорхнул с верстака и сел ему на плечо — привычно, словно делал это всегда.

— Пэррот, — сказал Эш, выходя из гаража в серый сумрак Купола.

— Да?

— А ты вообще помнишь, как ко мне попал?

Пауза. Линзы мигнули.

— В моей памяти есть разрыв, — признал попугай. — Предыдущий владелец не активировал меня. Но в системном кэше есть запись: «Найден на свалке. Предположительное назначение — подарок для Миры». Кто такая Мира?

Эш остановился. Ноги словно приросли к бетону.

— Миры, — сказал он, и голос дал трещину, — это моя

жена.

— Понятно, — попугай притих. — Я загрузил протокол «Деликатность». Не буду больше спрашивать. Но если захочешь поговорить — я здесь.

Эш глубоко вдохнул спёртый воздух. Грудь сдавило — то ли астма, то ли память. Он нашарил в кармане ингалятор, сделал впрыск. Дышать стало легче. Идти — нет.

Мира.

Она бы тоже сказала: «Опять надо жить». Она всегда так говорила, когда случалось плохое. Не «всё будет хорошо», не «я с тобой» — а именно это: «Опять надо жить, Эш. Вставай, живи».

Он пошёл дальше, в темноту коллекторов, и попугай на плече молчал — не потому что ему нечего было сказать, а потому что наконец понял: иногда молчание — лучшая поддержка, чем любые слова.

Глава 4. Правила выживания.

Ниша оказалась не просто сухой — она была почти уютной. Узкий закуток между двумя теплотрассами, закрытый с одной стороны ржавым листом гофрированного железа. Где-то гудели трубы, и от них шло сухое тепло — первое тепло, которое Эш почувствовал за последние сутки.

Он сел на пол, прислонившись спиной к тёплому металлу. Ноги гудели. Во рту стоял мерзкий привкус — не то от

сыворотки, не то от голода.

Пэррот прыгнул с плеча, прошёлся по полу, постукивая пластиковыми лапками, и замер у входа.

— Режим охраны активирован, — доложил он. — Если кто-то подойдёт ближе чем на десять метров, я разбуду тебя самой противной мелодией, какую смогу найти в архивах. Поверь, ты захочешь проснуться.

— Не сомневаюсь.

Эш развернул пакет с вещами, которые ему выдали в Институте. Кроме ботинок и комбинезона, там оказалась фляга — пустая, но целая, — и свёрнутая бумажка. Он развернул её: это была квитанция. «Гражданин Эш, идентификатор 7741-D, признан ценным ресурсом. Назначение: трудовой резерв. Явка на биржу труда не позднее...»

Он смял бумажку и бросил в угол.

— Ты не планируешь туда идти? — поинтересовался Пэррот.

— Нет.

— Мудро. Я проанализировал их базу данных. Вакансии: шахтёр гелиевых рудников, утилизатор токсичных отходов, санитар в инфекционном бараке. Средняя продолжительность жизни на этих должностях — от трёх до восьми месяцев. Ты протянешь меньше.

— Спасибо за оптимизм.

— Пожалуйста. Я здесь именно для этого.

Эш закрыл глаза. Спать хотелось невыносимо, но едва

он провалился в дрему, как перед глазами встала картинка: белая капсула, Моцарт, обратный отсчёт. Он дёрнулся и проснулся.

— Кошмары? — спросил Пэррот.

— Да.

— Это нормально. Твой организм пережил мощный выброс препаратов, плюс психологическая травма от прерванного умирания. Рекомендую не спать. Вместо этого давай обсудим план.

— Какой план?

— План выживания. Я тут порылся в муниципальной сети, пока ты дремал. В Куполе действуют несколько неформальных точек обмена. Фильтры, вода, еда. Нам нужно всё. У тебя есть что-нибудь на обмен?

Эш покачал головой.

— У меня ничего нет.

— Совсем ничего? Это плохо. Хотя... — Пэррот склонил голову набок. — У тебя есть я.

— Ты — ценная вещь?

— Я — уникальный эмпатический ассистент с функцией взлома муниципальных сетей. Да, я ценная вещь. Но продавать меня не рекомендую. Во-первых, я обидчивый. Во-вторых, один ты не справишься.

Эш невольно хмыкнул.

— Я пока не планирую тебя продавать.

— Приятно слышать. Тогда план Б: вода. Нам нужна вода.

И фильтры. И еда. Всё по порядку. Я знаю место, где можно набрать конденсат из системы охлаждения. Вода грязная, но у меня в базе есть инструкция по изготовлению примитивного фильтра из подручных материалов. Песок, уголь, ткань. Уголь можно добыть из старой крыши. Крышки я видел в твоём гараже.

— Ты уже всё продумал?

— Я — компьютер. Думать — моя работа.

Эш встал. Ноги всё ещё болели, но сидеть на месте было хуже. Действие — любое — отгоняло мысли.

— Хорошо, — сказал он. — Пойдём за водой.

— Вот это настрой, — одобрил Пэррот, взлетая на плечо. — Кстати, я нашёл тебе прозвище.

— Какое?

— Ресурс. Ты же теперь ценный ресурс. Сокращённо — Рес. Звучит гордо.

— Не называй меня так.

— Ладно. Тогда просто Эш. Мне нравится. Короткое, простое, легко запомнить. Идём, Эш.

Они вышли в коридор. Теплотрасса гудела где-то над головой. В темноте светились только глаза Пэррота — два оранжевых огонька.

Воду они добыли. Фильтр сделали. Уголь из крыши крошился в пальцах, ткань Эш оторвал от подкладки комбинезона. Вода после фильтрации всё ещё пахла ржавчиной, но пить её было можно.

Они сидели в гараже, разведя крошечный огонь в консервной банке — Пэррот сказал, что дым уйдёт в вентиляцию и никто не заметит. Эш кипятил воду в найденной жестянке и смотрел на огонь.

— О чём думаешь? — спросил попугай.

— О том, что я делал это раньше.

— Кипятил воду?

— Выживал. Когда умерла Мира. До того, как я подписал контракт. Я тоже боролся. Ходил на биржу, стоял в очередях, чинил чужие обогреватели за пайку. А потом однажды проснулся и понял, что не хочу.

— Чего не хочешь?

— Ничего. Совсем ничего. Даже дышать.

Пэррот помолчал.

— Это называется клиническая депрессия, — сказал он наконец. — У меня есть статья. Могу зачитать.

— Не надо.

— Ладно. Но я всё равно скажу: это лечится. Не всегда, не у всех, но лечится. И знаешь, что странно? Ты сейчас кипятишь воду. Ты делаешь фильтр. Ты ищешь еду. Ты действуешь так, будто хочешь жить.

— Это не желание. Это автоматизм. Тело хочет жить, даже когда я — нет.

— Может быть, — попугай переступил с лапки на лапку.

— А может быть, ты просто злишься. Я уже говорил: злость — это топливо. Ты злишься на Институт, на правительство,

на себя. Это нормально. Это значит, что ты ещё не сдался.

Эш посмотрел на него.

— Ты всегда такой?

— Ты уже спрашивал.

— А ты всегда так отвечаешь?

— Я — алгоритм. Последовательность — моя сильная сторона.

— А слабая?

Пэррот задумался.

— Ты, — сказал он наконец. — Ты — моя слабая сторона. Я привязан к тебе биометрически. Если ты умрёшь, я отключусь. Так что у меня теперь тоже есть причина, чтобы ты жил.

Эш не нашёлся что ответить. Он молча смотрел, как закипает вода в жестянке, и думал, что это первый разговор за долгое время, который не закончился пустотой в груди.

Глава 5. Встреча с Мирой.

Очередь за пайком была длинной, как всегда. Люди стояли молча, кутаясь в серые комбинезоны, пряча лица от камер наблюдения — хоть камеры всё равно видели всё. Очередь двигалась медленно. Пахло сыростью и карболкой.

Эш стоял в середине. Пэррот сидел на плече, притворяясь неработающей игрушкой — так они договорились в людных местах. Глаза-линзы были погашены, но Эш знал: попугай

всё записывает.

— Следующий, — буркнул раздатчик.

Эш шагнул вперёд, протянул пайковую карту. Раздатчик — пожилой мужчина с землистым лицом — приложил её к сканеру. Сканер пискнул и загорелся красным.

— Заблокирована.

— Что?

— Карта заблокирована. Явка на биржу труда не зафиксирована. Пайка нет.

— Но...

— Следующий!

Эш отошёл в сторону. Пустой желудок скрутило спазмом. Последний раз он ел двое суток назад — чёрствую лепёшку из мусорного контейнера за пекарней.

— Плохо, — прошептал Пэррот, не включая глаз. — Очень плохо.

— Заткнись.

— Могу я предложить...

— Я сказал, заткнись.

Кто-то тронул его за локоть. Эш обернулся — и замер.

Женщина. Лет тридцати пяти, короткие тёмные волосы, серые глаза. Лицо показалось смутно знакомым — он не мог вспомнить откуда, но где-то он её видел. И она смотрела на него так, будто знала. Слишком пристально. Слишком понимающе.

— Вы — Эш, — сказала она. Это был не вопрос.

— Откуда вы...

— Я помню вас. Номер 4471. Вы должны были умереть три дня назад.

Эш почувствовал, как что-то холодное пробежало по спине.

— Кто вы?

— Мира, — она оглянулась на очередь, на камеры, и понизила голос. — Я работала в Институте. Медсестрой. Я видела вас в капсуле.

— И что теперь? — Эш сжал кулаки. — Вы хотите сдать меня? Вернуть?

— Нет, — она покачала головой. — Я хочу помочь. Идёмте. Здесь нельзя говорить. Слишком много ушей.

Она повернулась и пошла прочь, не дожидаясь ответа. Эш колебался секунду — и пошёл следом. Пэррот на плече чуть слышно прошептал:

— Она говорит правду. Пульс ровный, микромимика без признаков лжи. Но она напугана. Интересно.

Они прошли через два технических коридора, спустились по ржавой лестнице и оказались в низком подвальном помещении. Здесь пахло плесенью, но было тихо.

Мира остановилась у стены и повернулась к Эшу.

— Вы знаете, почему вас не убили?

— Знаю. Правительству нужны ресурсы. Шахтёры.

— Это только часть правды, — она скрестила руки на груди. — Полная правда хуже. Институт Последнего Покоя —

это не просто способ избавиться от лишних людей. Это... конвейер.

— Конвейер?

— Органы, — сказала Мира. — Они изымают органы у тех, кто подписал контракт. Свежие, здоровые органы для элиты Купола. И для марсианских колонистов. Я сама ассистировала на таких операциях. Сотни раз. А когда колонистам понадобилась дешёвая рабочая сила, программу приостановили, потому что живые рабы выгоднее мёртвых доноров. Вас просто передумали убивать. Не из жалости. Из расчёта.

Эш слушал и чувствовал, как внутри поднимается тошнота.

— Почему вы мне это рассказываете?

— Потому что я устала молчать, — она подняла на него глаза. — Я уволилась из Института. Точнее, сбежала. За мной охотятся. Я прячусь в коллекторах вместе с такими же, как вы. Отказниками. Людьюми, которым не дали умереть. Нас немного. Но мы живы. И мы хотим, чтобы правда вышла наружу.

— Правда? — Эш горько усмехнулся. — Кому она нужна?

— Может быть, никому. А может быть, она — единственное, что у нас осталось.

Пэррот на плече Эша включил глаза.

— Простите, что вмешиваюсь, — произнёс он. — Но я проанализировал вашу речь. Вы говорите искренне. Это хо-

рошо. Однако я зафиксировал повышенный уровень кортизола. Вы боитесь. Чего именно?

Мира уставилась на попугая.

— Это... что?

— Мой ассистент, — сказал Эш. — Зовут Пэррот. Он... особенный.

— Заметно, — Мира моргнула. — У вас есть ИИ-компаньон?

— Списанная модель. Но он полезен.

— Это хорошо, — медленно произнесла она. — Очень хорошо. Такой ИИ может помочь нам в одном деле.

— Каком?

— Вы играете в шахматы?

Эш удивлённо поднял бровь.

— Играл когда-то. А что?

— Это долгий разговор, — Мира оглянулась на дверь. — Пойдёмте. Я отведу вас в убежище. Там всё расскажу.

Глава 6. Отказники.

Убежище оказалось старым коллектором — длинным бетонным тоннелем, разделённым на отсеки самодельными перегородками из фанеры и пластика. Воздух был влажным, но терпимым. В дальнем конце тоннеля шумел насос, откачивающий грунтовые воды. Где-то капало. На стенах висели старые плакаты: «Марс ждёт тебя», «Последний Сон — твой

выбор», «Институт — забота о каждом». Кто-то разрисовал их маркером, превратив лозунги в издевательские карикатуры.

В убежище жили несколько человек. Мира представила их:

— Это Ганс. Бывший профессор философии.

Старик с седой бородой и в очках с треснутым стеклом кивнул, не вставая с ящика. В руках у него была толстая книга — бумажная, настоящая редкость.

— Рад знакомству, — произнёс он. — Вы, я вижу, тоже не умерли? Поздравляю. Это сложнее, чем кажется.

— А это Юрген, — Мира указала на молодого парня, который сидел в углу и точил кусок арматуры о бетонный пол. — Он не очень разговорчивый.

— Я — нормальный, — буркнул Юрген, не поднимая глаз. — Просто не люблю новых. От новых одни проблемы.

— Юрген потерял всю семью в «добровольной программе», — пояснила Мира. — С тех пор он предпочитает общество арматуры.

Эш оглядел убежище. Четыре человека. Четверо тех, кому, как и ему, не дали умереть.

— И что вы тут делаете? — спросил он.

— Выживаем, — ответил Ганс, перелистывая страницу. — В этом, знаете ли, есть определённая ирония. Система предлагает нам смерть как свободу, а когда мы выбираем эту свободу, она отнимает её обратно. Мы — единственные по-

настоящему свободные люди в Куполе. Потому что мы ничего не должны системе. Она сама аннулировала наши долги, когда подписала нам смертный приговор. А потом передумала его исполнять.

— Это не свобода, — резко сказал Юрген. — Это ловушка.

— Всякая свобода — ловушка, если не знать, что с ней делать, — философски заметил Ганс.

Эш сел на свободный ящик. Пэррот спрыгнул с плеча, огляделся и прокомментировал:

— Психологический профиль группы: подавленная агрессия, защитный цинизм, выученная беспомощность. Вам нужен психотерапевт. Или хороший бар.

— Что это? — Юрген уставился на попугая.

— Пэррот, — коротко сказал Эш. — Привыкайте.

— Искусственный интеллект? — Ганс оживился. — Надо же. Я читал о таких. Довоенная разработка, эмпатические алгоритмы... Вы знаете, что ваша птица — возможно, последний работающий ИИ-компаньон в этом секторе?

— Я знаю, что он много болтает.

— Я не болтаю, — возразил Пэррот. — Я выдаю информацию с частотой, оптимальной для человеческого восприятия. Кстати, у меня в базе есть лекция по экзистенциализму. Профессор Ганс, хотите обсудить Кьеркегора?

Ганс снял очки и уставился на попугая с выражением крайнего изумления.

— Птица читала Кьеркегора?

— Я прочитал всё, что было в свободном доступе до коллапса. Кьеркегор, Ницше, Сартр. Сартр мне особенно близок. «Ад — это другие». Я бы сказал, ад — это отсутствие резервного питания.

Эш не выдержал и коротко рассмеялся. Это был странный, лающий смех, почти забытый. Все посмотрели на него.

— Простите, — сказал он. — Просто... у меня давно не было такого разговора.

— У нас тут вообще весело, — сказал Ганс, возвращая очки на нос. — Особенно когда облавы.

— Облавы?

— Патрули, — пояснила Мира. — Они ищут таких, как мы. Уклоняющихся от трудовой повинности. Технически мы все — нелегалы. Если нас найдут, отправят в шахты. Или обратно в Институт.

— И что вы делаете во время облав?

— Прячемся. У нас есть система оповещения. И мы никуда не выходим поодиночке.

— Кроме как за пайком.

— Пайки — это моя зона, — сказала Мира. — У меня ещё остались связи. Но это ненадолго. Поэтому я и спросила про шахматы.

— Я всё ещё не понимаю, какая связь.

Мира села напротив Эша.

— Ежегодно в Куполе проходит турнир по шахматам. Он

называется «Гамбит Исхода». Официально — победитель получает билет на Марс. Золотой Билет. Якобы Марсианская Администрация выделила квоту для особо одарённых. Но я знаю правду. Победителей увозят в «санаторий» якобы для предполётной подготовки. Это тот же Институт, только с другого входа. Их разбирают на органы. Идеальные доноры — молодые, здоровые, с высоким интеллектом. Их мозги, их сердца, их почки уходят на Марс в криокапсулах. А Золотой Билет — просто пропуск на операционный стол.

— И зачем вам это? — спросил Эш.

— Во время финала открывается главный передатчик Административного Купола. Он транслирует сигнал на Марс. Если мы сможем взломать его и загрузить наш файл — свидетельства, записи, списки «победителей» за десять лет, — марсианские диссиденты получают доказательства. Это не изменит всё, но это посеет трещину. А трещина может вырасти.

— И для этого нужен шахматист?

— Да. Тот, кто сможет дойти до финала. И тот, кто согласится на это.

Пэррот вспорхнул на плечо Эша.

— Я проанализировал, — сказал он. — Вероятность успеха низкая. Но не нулевая. И у меня как раз есть шахматный модуль.

Эш смотрел на Миру. Он думал о капсуле, о красной надписи, о том, как его вышвырнули обратно в жизнь. О том,

как он шёл по коридору и повторял про себя: «Опять надо жить».

— Я не играл в шахматы с тех пор, как умерла Мира, — сказал он.

— Твою жену звали Мира? — спросила Мира-медсестра.

— Да.

— Хорошее имя, — она слабо улыбнулась. — Значит, у нас с тобой уже есть что-то общее.

Эш посмотрел на свои руки. Пальцы уже не дрожали. Где-то в глубине груди, там, где раньше была пустота, затеплилось что-то новое. Не надежда. Скорее — цель.

— Хорошо, — сказал он. — Я попробую.

— Отлично, — Пэррот переступил с лапки на лапку. — Тогда начнём тренировки. У меня есть две стратегии: «Дебют пьяного матроса» и «Защита Каталонская, версия для домохозяек». С чего начнём?

Глава 7. Тренер с перьями.

— Начнём с дебюта пьяного матроса.

Эш, скрестив ноги, сидел на полу убежища. Перед ним лежала самодельная доска — кусок фанеры, расчерченный углём на шестьдесят четыре клетки. Фигуры были вырезаны из обрезков пластика: пешки — гильзы, кони — скрепки, ферзь — гайка с нацарапанной короной. Юрген сделал их за вечер, ворча, что лучше бы точил арматуру.

Пэррот восседал на перевёрнутом ящике, как тренер на судейской вышке.

— Дебют пьяного матроса, — повторил Эш. — Звучит обнадёживающе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.